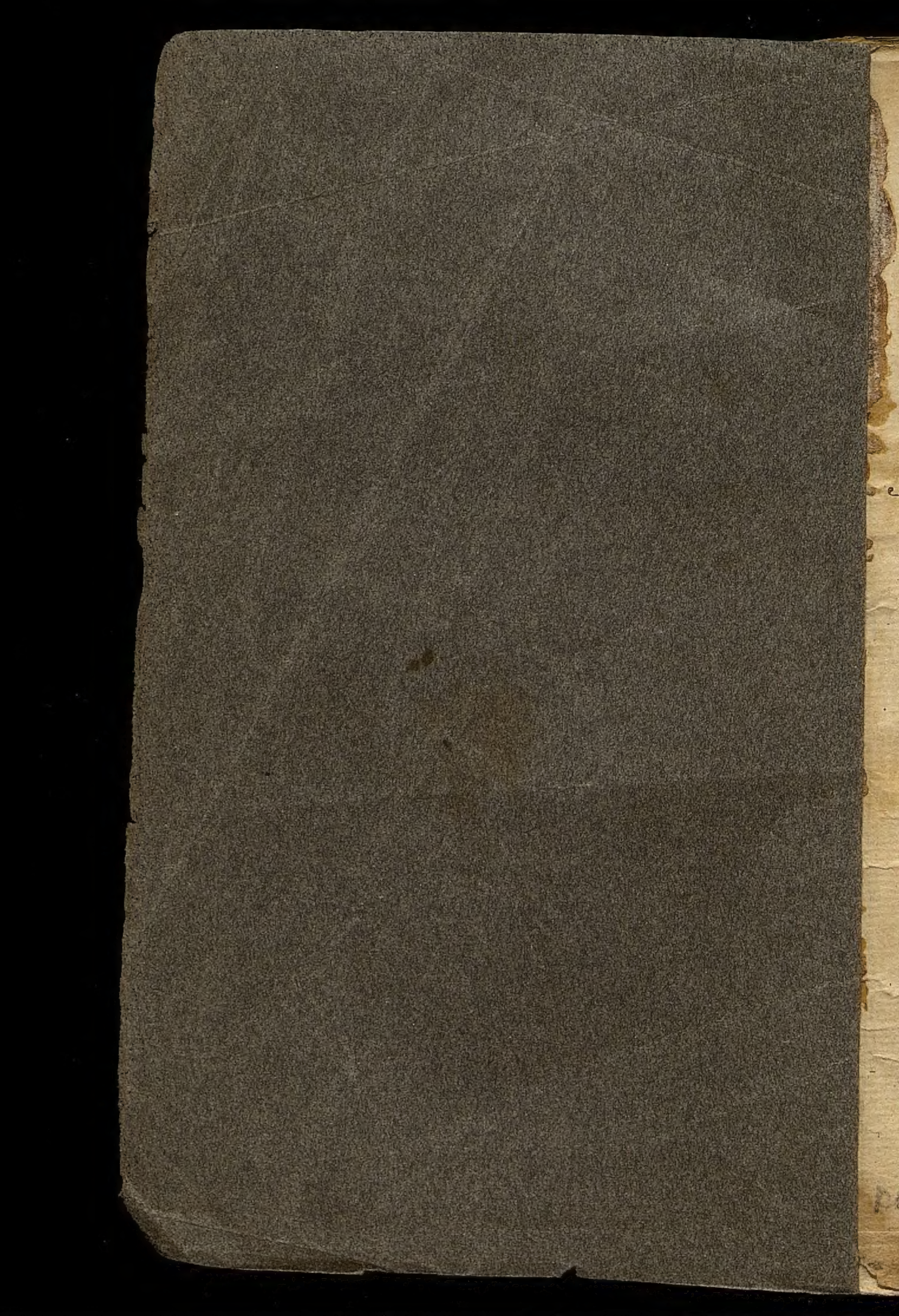

23

СОВѢТЫ ДУШѢ МОЕЙ,

твореніе

РОССІЯНКИ.

Стъ. Петербургъ
1816.

СОВѢТЫ

ДУШѢ МОЕЙ.

Видимый міръ есть отпечатокъ невидимаго, и книга Природы тайный ключь, отпирающій сокровищницу славы Божіей. Но изъ всѣхъ откровеній Творца человѣку нѣтъ ничего съ Нимъ самимъ сходнѣе и Божество его яснѣе исповѣдающее, какъ безсмертная, во внутреннѣйшемъ своемъ подлинно Богоподобная душа человѣческая. Сквозь порчу грѣхопаденія и смертнаго естества нашего она по нынѣ остается еще тѣмъ первобытнымъ таинственнымъ зеркаломъ, въ которомъ все вышнее, и даже самъ Богъ, отражается..

Всевышнему созерцать самаго себя въ душѣ нашей столь пріятно и любезно, что Духъ Святый, превѣчнымъ Отцемъ въ помощь немо-

щи нашей низпосылаемый, непрестанно надъ душами человѣческими носится, обмахивая, такъ сказать, неусыпно Божественнымъ крыломъ своимъ персть смертную, души наши запыляющую, и вся Троица трисвятая приникаетъ на насъ, ожидая только нашего согласія, чтобъ просвѣтить существо души нашей и ясно изобразить въ ней всѣ видѣнія вышнія.

И такъ, о благословенная въ твореніи душа моя! тебѣ предлежитъ только не раззорять въ себѣ дѣла Божія, не портить работы просвѣтленія и стараться самой непрестанно помогать дѣйствію Благодати, дабы пріобрѣсть и *возблагодать.* — *Бдите и молитеся*, совѣтъ и ученіе единственнаго намъ друга и благодѣтеля, Бога нашего, и въ сихъ словахъ заключено все спасеніе наше.

Во первыхъ — о душа моя! — познай, что какъ въ выспреннемъ мірѣ все являетъ Божественную Троицу: такъ и во всемъ конеч-

номъ твореніи, и въ бытій временномъ, Творецъ изобразилъ тройственную vпостась свою, *современя* въ жизни нашей отблескъ Вѣчности своей *въ прошедшее, настоящее и будущее.* Всѣ сіи мгновенія земнаго бытія твоего суть частички той необъятной Вѣчности, изъ которой истекли они и въ которую опять нѣкогда воззваны будутъ непремѣнно. И такъ *прошедшее, настоящее и будущее* суть земная твоя троичность, и талантъ Господомъ твоимъ тебѣ на обработаніе ввѣренный, слѣдственно и тройственнаго отвѣта въ тройственномъ на земли пребываніи твоемъ требующій.

Мудрецы міра мечтаютъ о семъ только, что *прошедшее* невозвратно, *настоящее* почти не существуетъ, а *будущее* неизвѣстно и за предѣлы власти нашей переходитъ. Не вѣрь, душа моя, темному сему заключенію, изъ кладязя бездны закоснѣлостью, нерадивостью и ожесточеніемъ невѣрія почерпаемому.

Христіанинъ держитъ въ рукѣ своей ключи Вѣчности и въ душѣ его заключены всѣ времена, въ волѣ Божіей покоющіяся. Вся работа твоя состоитъ въ томъ, чтобъ не воздремать и не уронить изъ рукъ ключей, сокровищницу милосердія Отчаго отпирающихъ; всегда помнить, что всѣ времена присущи предъ Господомъ, что прошедшее требуетъ воздаянія, настоящее крайняго бдѣнія и молитвы, и что въ немъ мы держимъ вервь будущаго, неминуемаго, которое рѣшитъ вѣрность правъ нашихъ на обладаніе Вѣчности, милосердіемъ Творца нашего отъ предѣловъ жизни сей уже намъ ввѣренной.

И такъ собери предъ себя, душа моя, весь троичный кругъ твоего обладанія, и скоротечное, изчезающее мгновеніе настоящаго употреби, чтобъ воспрянуть и стать предъ Богомъ твоимъ между прошедшаго и будущаго.

Что же найдемъ мы, грѣшные и недостойные, въ прожитомъ уже

нами участкѣ наслѣдія Отчаго? — Съ нашей стороны — проступки, ослушаніе, непрестанное забвеніе Бога и милостей Его, и къ естественному свойству паденія потомственнаго неизчетныя преткновенія и неизчетные рвы и пропасти, нами самими для гибели нашей изрытыя. Вся жизнь наша, естьли не цѣпь беззаконія, то по крайней мѣрѣ свитокъ безпрерывной суетности и разсѣянности, отвлекающихъ душу и мысли наши отъ Бога,—начала бытія нашего,—и смерти, — конца всего зиждемаго.

За таковое рода человѣческаго безуміе, что же видимъ мы со стороны Бога? Неизреченное долготерпѣніе, неизсякаемую и отъ самыхъ невѣрностей человѣка непростывающую любовь, попеченіе неусыпное, не только истинныя нужды человѣка предваряющее, но и немощи нашей и малодушію нашему снизходящее и часто ослабу и отраду нѣкую подающее. Естьли вник-

немъ далѣе и захотимъ взглянуть и въ невѣдомое нами, колико болѣе еще найдемъ причинъ благоговѣнія и благодарности къ такому великому и нѣжному Благотворителю! — Сколько неминуемыхъ бѣдъ, смертей и грѣховъ умерщвляющихъ мы избѣгнули Его единымъ милосердымъ о насъ смотрѣніемъ! Когда жъ книги судебъ предъ нами разкроются, мы изумимся тогда, увидя, что каждое біеніе сердца нашего могло бы быть послѣднимъ вздохомъ отчаянія, естьли бы Зиждитель, и частнымъ и общимъ устроеніемъ, не охранялъ насъ отъ висящихъ надъ главами нашими непрестанно бѣдствій и губительствъ ада. Самая способность чувствовать благодѣянія Бога—размышлять о Немъ—возлюбить Его—измѣрять рабскою ограниченностью твари царскую свободу души и мысли человѣческой—не суть ли великіе дары всещедраго Бога, изъ которыхъ и одного бы достаточно было, чтобы зажечь

душу нашу непрестающимъ пламенемъ любви и благодарности? Пренебречь, забыть, или не помогать забывчивому естеству нашему напоминать себѣ таковыя благодѣянія неизреченныя, было бы ожесточеніе злодѣйства!

И такъ пріучи себя, душа моя, по крайней мѣрѣ хотя разъ въ день достойно возносить Господу твоему жертву любви твоей и благодарности, и хотя единожды въ сутки вспомни отъ всей внутренности твоей Создавшаго тебя и кровію Своею искупившаго Бога твоего.

На досугѣ изочти всѣ извѣстные тебѣ случаи Его къ тебѣ особеннаго милосердія, дабы они тверже въ памяти твоей впечатлѣлися; не полѣнись даже и записать ихъ, дабы хотя изрѣдка возпоминать ихъ твоему сердцу и разуму. Потомъ вмѣсти ихъ всѣхъ вообще въ одну мысль, въ одно чувство, въ одно воздыханіе, и съ сердцемъ твоимъ и со всѣмъ бытіемъ твоимъ вознеси ихъ

въ жертву Богови. Во первыхъ повергнися предъ Отцемъ свѣтовъ, благодаря за то, что въ неизреченномъ милосердіи Своемъ не только по образу Своему сотворилъ и цѣною крови единороднаго Сына Своего искупилъ тебя, но даже и плоть, тебя облекающую, столь почтилъ и прославилъ, что во ѵпостаси Сына Своего посадилъ ее одесную славы Своея: слѣдственно нѣтъ уже во всемъ существѣ твоемъ ни одной частички, которая бы величайшаго вниманія и собственнаго твоего уваженія не заслуживала. Потомъ собери всѣ силы любви, всѣ лучшія способности твоего духа, покланяясь той милостивой предвѣчной Любви, тому кроткому агнцу Божію, который затушилъ въ тебѣ пламень ада изліяніемъ нещаднымъ за тебя проливаемой пречистой крови Своей. Приложи къ себѣ всѣ Его страданія неизповѣдимыя, потщись возчувствовать во внутренности твоей оное прискорбіе души Іисусо-

вой даже до смерти въ вертоградѣ Элеонскомъ, скорбь осужденія, болѣзнь протяженія на крестѣ членовъ Его, мучительно отъ составовъ отдѣлявшихся; старайся ощутить острее гвоздей и копія, послѣднія капли крови Іисуса твоего изліявшее. Чтобъ понять лучше страданія сіи неописуемыя, вспомни, что при одномъ приближеніи часа страстей сихъ искупительныхъ вся сила Богочеловѣка содрагалась въ изнеможенномъ Іисусѣ; кровавый потъ — сіе ужасающее дѣйствіе борьбы, — былъ признакъ страданія столь неизслѣдимаго, что оному поднесь ни въ какой болѣзни, ни въ страданіи человѣческомъ, не находится примѣра, и оно превзошло бы бренныя силы естества смертнаго, естьли бы сама Любовь не подкрѣпляла любовь изнемогающую. Принявъ на крестѣ послѣдній вздохъ Іисуса твоего, предающаго духъ Свой Отцу небесному, повергнись и предъ Духомъ Святымъ, животворящимъ

дыханіемъ Отца и Сына, возношеніе жертвы твоея совершающимъ. Духъ Святый принимаетъ молитву нашу, недостаточество и немощь оной непостижимо дополняетъ Своею силою, и безъ Его содѣйствія Божественнаго всѣ воздыханія, какія бы ты ни возсылала на небо, не проникли бы сквозь огустѣлость тѣлесности, міръ облегающей. Ибо Онъ есть тотъ огнь небесный вездѣсущій и всепроницающій, чрезъ который всѣ жертвы любви и всесожженія на небеси и на земли, начиная отъ жертвоприношенія Авелева и Авраамова до олтаря храма Соломонова, и наконецъ до послѣдней грѣшной кающейся души, возгараются.

Погрузивъ такимъ образомъ всѣ чувства твои въ созерцаніе столь милостиваго и великаго Бога и благодѣтеля, принеси Ему вкратцѣ и вообще, по силѣ твоей, пламенное благодареніе, какъ за всѣ сіи, такъ и за всѣ прочія, испытанныя то-

бою на себѣ самой благодѣянія Его. Не бойся уже говорить тогда съ Богомъ твоимъ такъ, какъ нѣкогда первый Адамъ бесѣдовалъ съ Нимъ въ Раю: дерзай, душа моя, и отрыгни слово сердца твоего, всю немощь тѣлесности твоей испытавшаго, въ нѣдро нескончаемаго милосердія; проси, и дастся. Припоминай Богу твоему даянія благодати Его, и благодарное сердце твое новые дары *возблагодати* Его получитъ неминуемо. Но исполняя сей долгъ преисполненія любви, ты почувствуешь сама и посреди блаженства твоего, о душа моя, что ты еще большой половины долга твоего не воздала Ему. Вдругъ между небеснымъ Отцемъ твоимъ и тобою возникнетъ цѣлое полчище прошедшихъ, настоящихъ и даже будущихъ твоихъ прегрѣшеній; (ибо предъ лицемъ Господа нѣтъ раздѣленія временъ и для Него все присуще, понеже Онъ есть единица нераздѣлимая.) Полчище твоихъ грѣ-

хопадений возопіетъ ко Господу, и какъ заимодавецъ немилосердый, возтребуетъ шумно всякому кодранту удовлетворенія. Человѣческой жизни и памяти не достало бы, чтобы изчислить всѣ свои беззаконія. И такъ и тутъ, также какъ и въ благодѣяніяхъ, не худо записывать согрѣшенія свои; и естьли — по невозможности — не всѣ безостаточно, по крайней мѣрѣ хотя вопіющіе въ тебѣ грѣхи твои и немощи. Повергни сокрушенно счетъ сей къ стопамъ единаго долги отпущающаго Господа Іисуса и возкликни: Единый безсмертный! Агнецъ Божій, тягостнымъ бременемъ грѣховъ міра даже до паденія обременившійся! Причисли, о Любве! и мои грѣхи къ безднѣ людскихъ согрѣшеній, рамена твои пречистыя отяготившихъ, и пригвозди и меня съ ними къ Тебѣ на крестномъ олтарѣ себя Отцу въ жертву принесшему! И естьли Агнецъ закланный благословитъ тебя послѣ приношенія сего не найти

во всемъ человѣчествѣ твоемъ ни единаго слова прибавить къ наполняющему тебя чувству любленія: пади ницъ предъ святѣйшимъ лицемъ Его, молчи, гори любовію, вздыхай предъ Возлюбленнымъ, сохраняя, какъ можно тщательнѣе, степень духа, тебя оживляющаго; ибо Духъ Святый, влагающій въ насъ жаръ таковой молитвы, благоволитъ обитать въ ѳиміамѣ, Имъ возжигаемомъ.

Удовлетворя по возможности прошедшему и настоящему, ты еще только двѣ части тройственнаго бытія твоего на земли обработала душа моя, и все пространство въ нѣдрѣ вѣчности Божіей кроющагося *будущаго* новой еще попечительности твоей, новой молитвы и новаго взыванія къ Богу, требуетъ. Неизвѣстность часа смертнаго не только для таковой, какъ ты, грѣшницы, но даже и для самаго праведника есть великій часъ оправданія или суда неумытнаго. Смерть,

какъ тать приходящая, и — Господь, въ чемъ застанетъ, въ томъ судящій грѣшника, — суть двѣ мысли, которыя должны привести въ ужасъ всякаго. Минута сія рѣшительная (часъ смерти) привлекаетъ обыкновенно вниманіе и неба и ада, и какъ для человѣка, такъ и для врага Христова, чрезвычайной есть важности. Тому и другому не предлежитъ уже времени, и одно мгновеніе, одна частичка онаго — обоимъ вѣчная потеря, или вѣчное пріобрѣтеніе. Недремлющій врагъ Христовъ стережетъ неусыпно сію минуту разчета рѣшительнаго, и часто теченіе цѣлой жизни человѣческой покидаетъ произволенію, чтобъ лучше изловить его въ часъ послѣдняго изнеможенія. Тогда обольщаетъ онъ послѣдній взоръ умирающаго видѣніями свѣтлыми, отвращая вниманіе его отъ того убожества души и единаго упованія на Искупителя нашего, котораго и самъ праведникъ долженъ возжелать, ви-

дя себя приступающаго ко вратамъ Вѣчности. Разлученіе души отъ тѣла бываетъ въ такомъ случаѣ долговременнѣе и болѣзненнѣе, ибо подвергается еще новому закону очищенія. Но положимъ, что и сего часто встрѣчающагося случая не существовало бы въ числѣ ухищреній врага нашего: не часто ли Господь въ тайнѣ неисповѣдимыхъ судебъ Своихъ, можетъ быть дабы избавить душу отъ какой нибудь предлежащей ей опасности отпаденія, или по особому, Ему одному довѣдомому, промыслу, ускоряетъ часъ и минуту послѣднюю, насылая нечаянную смерть на человѣка. И такъ вникнувъ въ такое важное размышленіе, увѣрясь въ слово Спасителя нашего: *яко не вѣсте ни дня, ни часа, вѣ оньже Сынѣ человѣческій пріидетѣ* — не забывай никогда, что смерть въ каждомъ новомъ біеніи сердца нашего гнѣздится; и сколь ни содрагателенъ естеству зракъ разрушенія конеч-

наго, тебѣ не должно никогда, душа моя, терять изъ-виду часа сего рѣшительнаго; и въ неизвѣстности, — какъ и когда изыдешь ты на гласъ Господа призывающаго — къ обыкновеннымъ молитвамъ, на сей случай святыми Отцами установленнымъ, присоедини еще не излишній обрядъ любви и опасенія: чтобы — естьли не всякую недѣлю, (на прим. въ пятницу, въ память смерти Господа твоего и страданій Его спасительныхъ, тобою въ сей великій день возпоминаемыхъ,) по крайней мѣрѣ единожды въ мѣсяцъ — предстать предъ Господа твоего какъ бы въ послѣдній день твоего съ тѣломъ разлученія. Дабы какъ можно болѣе тебѣ очиститься, приведи къ сему дню въ порядокъ временныя дѣла твои. Естьли какая нибудь вражда отягощаетъ духъ твой, или естьли непреклонность сердца брата твоего препятствуетъ твоему съ нимъ примиренію, постарайся хо-

тя какою нибудь услугою ему умиротворить себя съ душею, тебя обижающею или ненавидящею. Потомъ пади предъ сладчайшимъ Господомъ Іисусомъ, и въ память той крови божественной и того за тебя ломимаго тѣла Его всесвятаго, котораго можетъ быть въ часъ смертный ты и не сподобишься, преломи смиренно хлѣбъ твой и вкуси вина, творя сіе въ возпоминаніе вечери той тайной, которую всенощно Ангели благоговѣйно прославляютъ предъ Господомъ, изумляясь непрестанно любви Агнца. Принеси не пощадившему за тебя крови своей всю исповѣдь жизни твоей; подтверди ему все твое на единое Его милосердіе упованіе; признай себя отъ всей внутренности твоей рабою неключимою; вообрази себѣ живо, что Ангели узорѣшители предстоятъ уже предъ тобою; призови въ помощь пречистую Матерь Божію, Ея милосердому заступленію вручи се-

бя убогую, ни одежды брачной, ни отвѣта добраго неимущую, и пламеннымъ духомъ, исполненнымъ вѣры, любви и упованія, исполни сего дня предъ милосердымъ Искупителемъ твоимъ долгъ тотъ правды и любви, который можетъ быть завтра уплатить тебѣ не будетъ уже возможности. Память смерти и къ ней сердечное обращеніе пріобучатъ тебя не сорить краткія мгновенія, отдѣляющія отъ Вѣчности земное бытіе твое, и изпрашивая непрестанно благаго конца и легкаго отъ тѣла разрѣшенія, ты преклонишь наконецъ человѣколюбнѣйшее сердце Господа Іисуса и не преминешь получить помощь Его всесвятую въ часъ твоего отъ узъ освобожденія.

Молитва неотступная такъ смягчаетъ Любовь вѣчную, что она наконецъ вся предается любителю, пламенно и неослабно ее ищущему. Неописанные дары Духа сопровождаютъ сіе снизхожденіе Бо-

жественное, и Господь нашъ Іисусъ Христосъ приходитъ вечерять къ душѣ таковой со всѣми благами и радостями своими вѣчными. Видѣнія, сны дивные и тайные, внушенія, превосходящія обыкновенное понятіе человѣческое, щедро тогда изливаются на возлюбленную Господомъ подругу Его. Но крайнему изслѣдованію и величайшей осторожности подлежатъ сіи явленія сверхъестественныя; ибо даръ видѣній и таинственность сновъ не всегда отъ единаго Господа Іисуса приходятъ: и тѣло наше и стихіи имѣютъ свою ложь и обманы, не менѣе врага Христова ухищренные. И такъ не только не жажди, но еще крайне опасайся, душа моя, таковыхъ явленій, многія добрыя души суетностію обольстившихъ. Вѣрность любви и смиреніе — вотъ лучшій, вотъ единственный путь къ сердцу Іисусову, и признакъ Его съ нами сближенія, гораздо вѣрнѣйшій, нежели и самый даръ

пророчества; ибо и бѣси пророчатъ, являются и дивныя тайны земной натуры открываютъ любопытствующему духу. Ты же, душа моя, помни всего болѣе, что ты ничто иное, какъ бѣдное изкаженное, потемнѣлое твореніе, точно *Христа ради* Отцемъ милуемое, и не только откровеній, но едва ли и милосердаго воззрѣнія Его на тебя заслуживающее: слѣдственно, хотя *духъ и дышетъ, идѣже хощетъ*, и потому можетъ и тебя избрать орудіемъ своего промысла; но глубокимъ чувствомъ твоего недостоинства увѣряема, и въ самыхъ милостяхъ Господнихъ опасайся всегда обмана собственныхъ чувствъ твоихъ, изъ единой лжи плоти составленныхъ; и естьли бы Сладчайшій и подлинно благоволилъ когда въ милосердіи Своемъ открыть тебѣ, какъ другу, видѣнія какія либо таинственныя: и тутъ еще не вѣрь сама себѣ, пади ницъ предъ Господомъ, призови святое имя

Христа Іисуса, и какъ Елисаветъ возопи: *откуду мнѣ сіе?* — Повѣрь, что смиреніе твое и недовѣріе къ таковому великому и недостоинство естества твоего превосходящему облаженствованію, принесетъ тебѣ новыя милости и новое возрѣніе отъ Господа; и естьли видѣніе точно изъ Его свѣта, то Онъ самъ дастъ тебѣ и силу, и разумъ, и наставленіе, какъ употребить оное во благо. Чистѣйшая изъ земнородныхъ, Матерь Божія, та Дѣва обоженная, которая съединила въ плоти своей всю чистоту Ангеловъ, а въ сердцѣ всю пламенную любовь Серафимовъ, не смутилась ли отъ гласа Архангельскаго? Конечно не во всемогуществѣ Господа своего она усомнилася, и кроткое сердце ея конечно трепетало радостно предъ словами благовѣстія спасенія міру и неизреченной славы ея: но чѣмъ болѣе видѣніе было божественно, тѣмъ болѣе ощущимость смертности изумляла смиренную

душу ея, и тѣмъ менѣе чистая Дѣва очамъ своимъ и чувствамъ вѣрила.

Впрочемъ остерегая тебя, душа моя, отъ опаснаго стремленія человѣчности, пристращающейся къ видѣніямъ, или инымъ какимъ чрезъ тѣлесныя чувства приходящимъ откровеніямъ, я не имѣю въ виду ни ослабить всесильную десницу Господа, вездѣ и во всемъ человѣку Себя открывающаго, ни лишить тебя того неизреченно сладкаго упованія Христіанскаго, которымъ душа роскошествуетъ, видя, что творецъ ея, Богочеловѣкъ Іисусъ, благоволитъ снизойти къ ея недостоинству; вѣрю, что сердечное и безостаточное приближеніе ко Іисусу привлекаетъ всего Бога къ душѣ Ему себя отверзающей, и что чрезъ Спасителя нашего Божественнаго небо и земля, вѣчность Божія и конечность тварная, и наконецъ Богъ и человѣкъ — непостижимо и вмѣстѣ въ душѣ сливаются. Но

для вѣрной и бдительной души Христіанской, посреди безчисленныхъ сѣтей, и врагомъ нашимъ и нами самими вездѣ намъ разставляемыхъ, — въ мірѣ семъ, который самъ по себѣ ничто иное, какъ призракъ, гдѣ никакая вещь, никакое чувство не есть то, чѣмъ оно намъ кажется, но образъ того и тѣнь: — все, что можетъ служить къ оборонѣ отъ таковыхъ прилоговъ, заслуживаетъ крайняго разсмотрѣнія и опаснаго испытанія. Впрочемъ есть благовѣстники наитія Духа Святаго гораздо вѣрнѣйшіе, нежели тѣлеснымъ чувствамъ часто мерещущіеся сны и видѣнія. Посланники сіи, сіи святые глаголы таинственные, которымъ, какъ Апостоламъ, повелѣно оттрясти и прахъ у вратъ дому, ихъ непріявшаго, суть тѣ внушенія, которыя безъ помощи тѣлесности ясно, не изнаружи внутрь, но изнутри наружу изливаясь, представляютъ намъ нѣчто изъ міра вышняго и особымъ недовѣдомымъ свѣтомъ

озаряютъ душу человѣческую. Часто Христіанину не только на молитвѣ, но и посреди разсѣянности житейскихъ упражненій, вдругъ, какъ свѣтлый ангелъ, предстаетъ какое-то чувство, воню благоуханія духовнаго всему бытію впечатлѣвающее. Сердце, недовѣдомо отъ чего, вздымается къ Богу, ищетъ Его́, встоскуется по Немъ, или — встрѣтясь съ милосердымъ лицемъ Его—радостно встрепенется; изумленіе любовное вдругъ объемлетъ всего человѣка, — *Бога взыскахъ рукама моима;* — и душа ясно ощущаетъ, что въ мгновеніе сіе дышетъ, блаженствуетъ и *знаетъ* изъ непостижимаго свѣта вѣчной любви Агнца. Естьли когда Господь твой благословитъ и тебя, о душа моя, такимъ ощущеніемъ небеснымъ: то собери всѣ чувства твои, дабы возблагоговѣть предъ величіемъ невидимаго сего милосердаго гостя, тебя посѣщающаго. Разумѣй, что нестерпимый въ славѣ своей ІЕГОВА, Котораго и самъ великій Моисей

не дерзалъ зрѣть лицемъ къ лицу облеченнаго во свѣтъ Божества своего, нынѣ саму тебя преображая въ купину неопалимую, дабы ты не изтлѣла отъ пламенной любви Его, низпосылаетъ на тебя сквозь Сына Своего единороднаго лучь Божественнаго свѣта, и Духа Своего пресвятаго посылаетъ утѣшителемъ твоего пришельствія, погружая въ тебя оживленіе, свѣтъ и волю Свою. Душа моя внимай прилѣжно сему гласу небесному, лови мгновенно скоротечное сіе изліяніе; ибо струя луча, тебѣ низпосылаемая, естьли найдетъ тебя спящу, унывающу, или житейскими попеченіями озабоченну, мгновенно возлетаетъ къ источнику; и ты долго, можетъ быть, не сподобишься такого небеснаго посѣщенія. Для того держи всегда отверзто ухо твое, — прислушивайся осторожно ко всему, до внутренности твоей доходящему, и старайся, какъ можно болѣе, безмолвствовать тѣломъ и чувствами,

дабы не пропустить ни единаго звука отголоска того, отъ котораго видимые и невидимые міры изтекли радостно изъ ничтожества въ прославленіе Творца своего. Но такъ какъ первородное преслушаніе повергло весь родъ человѣческій въ неизмѣримое море всечасныхъ искушеній: то дабы тебѣ не впасть и здѣсь въ заблужденіе и не ошибиться во вліяніяхъ, тобою ощущенныхъ, тебѣ предлежитъ великое познаніе, великая наука, самихъ бы Ангеловъ достойная, естьли бы они по существу своему не прозрѣвали въ то, что дается человѣку за вѣрность, бдѣніе и молитву, паче же Благодатію туне открыть благоволяется. Наука сія и навыкъ тебѣ предлежащій состоятъ въ разпознаваніи, сколь возможно прилѣжномъ, навѣщающихъ тебя непрестанно гласовъ Бога, Ангеловъ, разныхъ духовъ, тебя окружающихъ, и самой твоей человѣчности. Съ помощію Господа нашего Іисуса и святаго

духа Его, я постараюсь припомнить многое мною о семъ слышанное и открыть тебѣ здѣсь нѣкоторыя весьма важныя тайны.

Съ первымъ раздѣленіемъ воли и отклоненіемъ сердца человѣческаго отъ Создателя своего способность не только созерцать невидимый нынѣ намъ міръ духовный, но даже помнить то тѣсное сообщество духовъ вышнихъ и поднебесныхъ, которые были нѣкогда товарищи, собесѣдники, или служители Адамовы, — померкла потомственно въ оземлянѣлой новой плоти изгнанника райскаго. Но тяжкое паденіе человѣка, хотя и произвело сильное потрясеніе во всѣхъ мірахъ и во всемъ зиждемомъ, со всѣмъ тѣмъ не въ силахъ было разстроить порядка міра духовнаго. Отяжелѣніе Адама зацѣпило и увлекло въ паденіи его одни только стихійныя, земныя и сами по себѣ отяжелѣвшія уже, или естественную тяжесть имѣющія творенія. Какъ камень, па-

дающій съ высоты, разсѣкаетъ воздухъ, но отрываетъ прикосновеніемъ одни только упругость или сходное съ нимъ вещество земное имѣющія тѣла: такъ оземленѣлая душа Адамова, разсѣкая въ паденіи своемъ безчисленное пространство, миріадами творенія духовнаго исполненное, увлекла за собою міръ и многое находящееся въ немъ вещественное; но чистѣйшихъ, раздѣленію или измѣненію единства любви непричастныхъ существъ, не могла ни зацѣпить отяжелѣніемъ, ни отторгнуть отъ единства, ниже разлучить отъ любви къ человѣкамъ, притяженія къ нимъ, и желанія сообщаться имъ, какъ товарищамъ блаженства прежняго. Во всемъ пространствѣ міра духовнаго, кромѣ души человѣческой, все сохранило первый порядокъ, степени и устройство, искони каждому Творцемъ опредѣленныя, и лѣствица невидимаго творенія, отъ неба до земли низходящая, (на по-

добіе той, которая и въ здѣшнемъ мірѣ отъ человѣка до полипа и наконецъ до послѣдняго растѣнія простираясь, связуетъ всѣ роды тварей,) осталась неповрежденною цѣпью разумныхъ существъ, постепенно одно другаго выше, къ небесному, земному, или преисподнему приближеннѣе, и отъ тѣлеснаго взора нашего одною только оболочкою мертвенности нашей сокровенная.

Естьли бы мы захотѣли только вникнуть въ тѣ великія тайны Священнаго Писанія, которыя Духъ Святый хотя и покрываетъ крыломъ своимъ отъ очей невѣжества нашего, но жаждетъ — такъ сказать — открыть въ смиренной любви свѣтъ и премудрость Его призывающимъ: то сколь много новыхъ благодѣяній, новыхъ предметовъ любви и восторговъ радостныхъ о таковомъ великомъ Богѣ нашемъ открыли бы мы въ сей книгѣ Божественной, для насъ человѣковъ

вдохновенной, и всю премудрость Зиждителя, всю присность Его къ намъ и взаимную связь между неба, міровъ и человѣка объясняющую. — Глубокія откровенія книгъ *Бытія*, *Числъ* и *Второзаконія*, бездна углубленія и между тѣмъ ясный глаголъ духа! Начало книги Бытія разкрываетъ уже понятія о духовномъ мірѣ столь обширныя, что надлежитъ замолчать отъ страха, любви и благоговѣнія, не вѣря чувствамъ своимъ при таковомъ созерцаніи. Но мы всякой день лепечемъ о сей тайнѣ, всѣ понятія ума превосходящей; читаемъ Священное Писаніе, слушаемъ въ церкви чтеніе онаго, повторяемъ сами псалмы многіе, не чувствуя, не внимая, не останавливаясь даже на великихъ изреченіяхъ, нами произносимыхъ, а еще менѣе воображаемъ, какихъ близкихъ намъ существъ имена тутъ изрекаемъ!

Духъ Святый устами Царя пророка, и потомъ Апостола, намекаетъ

ясно о нѣкоемъ родѣ духовъ среднихъ. — Пророкъ упоминаетъ о *сряще и бѣсѣ полуденномъ*, — (слѣдственно и въ прочихъ странахъ міра, Востокѣ, Западѣ и Сѣверѣ, вѣроятно, также находящихся,) Апостолъ же говоритъ о духахъ *поднебесныхъ*, которые также суть иногда духи злобы, но поднебесные, а не преисподніе, слѣдовательно и къ обращенію можетъ быть еще способные. Самое изреченіе *духовомъ злобы поднебеснымъ* не значитъ ли можетъ быть: *тѣмъ духамъ поднебеснымъ, которые суть духи злобы*, не исключая того, чтобы не было и въ *поднебесныхъ духахъ* духовъ добрыхъ, такъ какъ и между человѣками, которые всѣ заключены подъ грѣхъ, есть люди злые и есть добрые. Впрочемъ самъ Спаситель, повелѣвъ своимъ Апостоламъ проповѣдать Евангеліе *всей твари*, разумѣлъ подъ симъ словомъ конечно тварь разумную, которой только можетъ быть проповѣдано Еван-

геліе. Но кто сія тварь? Что суть бѣси и духи сіи? Конечно не Ангелы, хранители человѣка, посылаемые на службу тѣмъ, которые желаютъ спастися. Духъ Святый не отъ нихъ насъ остерегаетъ и не имъ конечно слѣдовало проповѣдать Евангеліе; и Ангели были непрестанными зрителями великой тайны искупленія и служили самому Искупителю. Сею тварію также не могли быть духи преисподніе; ибо вѣра не вмѣщается тутъ, гдѣ обитаетъ злоба и ненависть закоснѣлая, въ естество обратившаяся. Вникнувъ въ наименованіе *бѣса полуденнаго* и въ слѣдующій потомъ какъ бы въ объясненіе онаго стихъ: *падетъ отъ страны твоея тысяща* и проч. не безъ основанія, можетъ быть, думать можно, что бѣси сіи, изъ коихъ одного свойство *холерическое* святымъ Пророкомъ уже показано, суть точно четыре духа, надъ четырьмя темпераментами человѣка господствующіе. И

шакъ *бѣсъ полуденный*, яростными свойствами своими, Духомъ Святымъ намъ открытыми, теперь предстоитъ уму нашему, какъ бы стрѣлка магнитная, неизмѣнно сѣверъ опредѣляющая; и потому, кажется, безошибочно думать можно, что надъ сангвиникомъ восточный, надъ меланхоликомъ западный, а надъ флегматикомъ сѣверный бѣсъ, (духъ стихійный) имѣетъ вліяніе.

Естьли стихійные побудители разположенія человѣческаго — темпераменты — имѣютъ открытыхъ уже намъ Священнымъ Писаніемъ духовъ, ими управляющихъ: то не вѣроятно ли также становится, что страсти, темпераментами сими возбуждаемыя, имѣютъ также своихъ настоятелей, которые, какъ бы *модификаціи* бѣса повелѣвающаго, и подчинены главнымъ духамъ, надъ четырьмя странами свѣта вліяніе имѣющимъ. Заключеніе сіе приводитъ само по себѣ

къ другому. Естьли четыре бѣса съ подчиненными имъ властями попущены Создателемъ дѣйствовать на стихійное существо человѣческое: не должны ли мы предполагать, что всеблагій Творецъ нашъ конечно противоположилъ бѣсамъ симъ столькоже чистыхъ, благихъ, небесныхъ существъ, лукавство поднебесныхъ духовъ укрощающихъ и не позволяющихъ человѣку пасть подъ насиліемъ ихъ? — Заключеніе сіе продолженіемъ тогоже псалма намъ опять ясно подтверждается: *Вышняго положилъ еси прибѣжище тебѣ*; и далѣе: *яко Ангеломъ Своимъ заповѣсть о тебѣ* и проч. И такъ не отклоняясь отъ единственнаго вѣрнаго путеводителя, Священнаго Писанія, мы должны вѣрить непремѣнно, что неизмѣримая цѣпь невидимыхъ существъ, добрыхъ и злыхъ, окружаетъ насъ ежечасно: слѣдственно какого вниманія человѣческаго бли-

зость таковыхъ собесѣдниковъ требуетъ! (*)

И такъ *духи поднебесные*, *тварь* и *бѣси*, суть точно духи посред-

---

(*) Можетъ быть почтется маловажнымъ заключеніе о существованіи *среднихъ* духовъ, какъ и всѣ тѣ принятыя истины, которыя точно отъ того не уважаются, что всѣмъ извѣстны, и потому, какъ обыкновенное произшествіе, не замѣчаются: но преданія всѣхъ народовъ, всѣхъ языковъ и всѣхъ временъ о *Сильфахъ*, *Дріадахъ*, *Сатирахъ* и прочихъ блудящихъ духахъ Язычества, — о *Гномахъ* и *Вампирахъ* среднихъ вѣковъ, — также наши *лѣшіе*, *домовые*, *русалки* и *кикиморы*, — нагорные и пустынные духи идолопоклонниковъ, и понынѣ еще ими покланяемые, суть вѣрные слѣды существованія духовъ стихійныхъ и планетныхъ, воплощеніемъ Бога Слова обузданныхъ токмо въ своевольствѣ ихъ и въ данной имъ безуміемъ человѣка власти. Они прикрѣплены, такъ сказать, стали къ стихіямъ плотнѣе, но не менѣе существуютъ и понынѣ — и съ міромъ и всѣмъ поднебеснымъ получатъ обновленіе.

ствующіе, стихійные и планетные, въ стихіяхъ вкругъ насъ вращающіеся, и по мѣрѣ высоты атмосферы, ими обитаемой, лукавѣе или очищеннѣе, и по отношеніямъ воли ихъ, съ вѣчнымъ свѣтомъ, или вѣчною тьмою, неразрывные. Разсмотримъ прилѣжнѣе съ помощію Божіею все, что Откровеніе намъ о нихъ сказываетъ.

Священное Писаніе умалчиваетъ отъ насъ систематическую повѣсть паденія Ангеловъ, урывками и гаданіемъ сказуя объ ономъ; но непрестанно встрѣчающіеся слѣды паденія сего, и слова самаго Спасителя: *видѣхъ сатану яко молнію и проч.* позволяютъ болѣе, нежели съ вѣроятіемъ, заключить, что подъ именемъ духовъ *поднебесныхъ* Апостолъ разумѣетъ тѣхъ, которые лестію отвлечены были Свѣтоносцемъ отъ свѣта первосущнаго. Подъ именемъ же *сряща* и *бѣса полуденнаго* Пророкъ намекаетъ духовъ стихійныхъ, тѣхъ духовъ,

которые, съ тварью и стихіями сотворенные, покорены были Адаму въ раю и вмѣстѣ съ нимъ и міромъ, грѣхопаденіемъ праотца пораженные, лишились свѣтлости своей и назначенія первобытнаго.

Ухищреніемъ возмутителя, болѣе нежели своимъ собственнымъ произволеніемъ, преступные поднебесные духи пали, какъ и самъ Люциферъ, подъ праведный судъ милосердаго во гнѣвѣ своемъ Зижднтеля; и правда Его святая, измѣряя преступленіе мѣрилами воли виновныхъ, тѣмъ тяжелѣе налагала оковы, чѣмъ злобнѣе оказалась воля преступныхъ. По заповѣданному Спасителемъ проповѣданію Евангелія *всей твари*, надобно думать, что стихійные духи къ исправленію еще способны, и что какъ тѣ, такъ и другіе, получили жилищемъ плѣна своего нижнюю натуру, — поднебесіе и стихіи. Поднебесные духи по началу своему вѣчны; стихійные же суть конечныя

твари, съ міромъ симъ обновленія себѣ ожидающія.

Адамъ во славѣ своей повелѣвалъ всей твари сей и былъ имъ Царь, такъ какъ и самимъ стихіямъ, ихъ заключающимъ. Но когда завѣса таинственная, — та завѣса, которой раздравшаяся отъ верьхняго края до нижняго была прообразованіемъ — спустилась съ подножія престола прогнѣваннаго Творца и закрыла отъ притупившихся очей праотца всѣ три міра, его окружающіе, стихійные духи возпріяли въ царство свое изгнаннаго Царя ихъ преступнаго, возобладали его волею, и, какъ товарищи паденія его и мѣста преступленія, слились съ духомъ человѣка и вмѣшались во всѣ дѣла его и ощущенія. По мѣрѣ любви своей къ Богу, или ухищренія, и по мѣрѣ добрыхъ или злыхъ наклонностей человѣка, духи сіи непрестанно его окружаютъ, совѣтуютъ, склоняютъ, водятъ, и вліянія ихъ столь ощутительны

во всѣхъ произведеніяхъ человѣческихъ, что мы всѣ непрестанно испытуемъ то *нѣчто* необъяснимое, которое было причиною паденія легковѣрныхъ. Чѣмъ болѣе душа человѣческая, отъ отяжелѣнія плоти освобождаясь, приближается чрезъ степени усовершенствованія къ самому Богу; тѣмъ чище и благотворнѣе невидимые клевреты на пути ей встрѣчаются. Но крайнее прилѣжаніе нужно тебѣ, душа моя, для разпознаванія духовъ, непрестанно вѣщающихъ тебѣ разные глаголы. Испытай прилѣжно: *коего духа они суть?* Берегись вѣрить всякому внушенію; ибо степень шепчущихъ тебѣ невидимыхъ друзей сихъ одному только Сердцевѣдцу Господу ясно зрима: и потому прилѣжно изпрашивай у Него совѣта отъ Духа Его пресвятаго въ незапныхъ задачахъ, тебѣ ими предлагаемыхъ.

Всѣ три сіи міра духовные, — и небо, и поднебесье и преисподняя —

все стремленіе желаній своихъ обращаютъ на человѣка и въ него сосредоточиваютъ. Какъ на корысть побѣдную, на возвышеніи прикрѣпленную, — всѣ міры, до скончанія вѣка, стремятся, усиливаются и между собою воинствуютъ, чтобы восхитить душу и заполонить ее, Но Рыцари, ближе къ поприщу предстоящіе, не тѣ ли, которые скорѣе достигнуть могутъ до цѣли? И потому, хотя побѣда небесъ вѣрнѣе и несомнѣннѣе; но Рыцари, тебя, душа моя, окружающіе, суть внутри ограды, тебя заключающей; и они-то тѣ духи стихійные и поднебесные, къ которымъ, по слову Апостола, вся наша брань обращается. Чтобы остеречься тебѣ отъ лукавыхъ, или по легковѣрію ихъ неимовѣрныхъ *товарищей* сихъ, знай, что стихійные духи не имѣютъ еще въ себѣ никакого свѣта собственнаго и отражаютъ только тьму или свѣтъ нижней или вышней

натуры, ими обитаемой. Хотя по естеству своему, будучи эѳирнѣе или тонѣе земнородныхъ, и болѣе ихъ постигаютъ тайну славы Божіей, или лукавство ада; но до вышняго неба, до той сферы, гдѣ Апостолъ слышалъ глаголы непостижимые, тѣмъ менѣе до той, гдѣ хранится Книга Судебъ Всевышняго, они не возходятъ и ничего, кромѣ въ планетномъ мірѣ случающагося, не знаютъ и не помнятъ. Духи сіи тѣ самые, которые въ Язычествѣ внушали Пиѳію, Сивиллъ и разныхъ оракуловъ. Они являются часто, какъ нѣкогда Бруту, такъ и по нынѣ еще многимъ человѣкамъ, предвозвѣщая имъ кончину ихъ, или тому подобное. Они прорицали чрезъ Друидовъ и жрицъ Языческихъ, и, по добрымъ свойствамъ Сократа и его демона, можно думать, что сей, хотя также былъ стихійный духъ, но къ вышней натурѣ болѣе прочихъ приближенный. Справедли-

вость и истина ихъ предсказаній не опровергаетъ того, что они мало, или совсѣмъ почти ничего, о вышнемъ небѣ не вѣдаютъ; ибо хотя прорицанія ихъ и превозходятъ ограниченность умственнаго свѣта человѣческаго: но жизнь смертнаго можетъ ли составить *хроносъ* какого бы то ни было духа, который, естьли и конеченъ, такъ какъ все въ семъ мірѣ и нижнихъ небесахъ заключающееся, не менѣе по пространству и бытія и силы своей можетъ сосредоточить времена, отъ краткой жизни человѣка ускользающія: слѣдственно и быть свѣдущъ о всемъ, въ кругу времени *его* заключающемся.

При Кесарѣ Августѣ Сивилла, будучи вопрошаема посланными къ ней о успѣхѣ начинаемаго предпріятія, изнемогая на треножіи своемъ подъ усиліями духа, ею призываемаго, возвѣстила громкимъ голосомъ великую тайну воплощенія, самому обдержавшему ее духу не-

постижимую: „Пало, пало цар-
„ство наше“, вскричала она: „ро-
„дился младенецъ, и онъ загра-
„ждаетъ уста мои“. — Извѣстно,
что Августъ сжегъ книги Сивил-
лины (*): но повѣсть сія, самы-
ми Языческими писателями под-
тверждаемая, показываетъ намъ
ясно истину, большой свѣтъ на
сущность духовъ сихъ изливающую.
Духи стихійные видѣли родивша-
гося младенца чувствовали, что
онъ возхищаетъ власть ихъ и
разрушаетъ ихъ силу: но въ то
время, — когда Ангельскій міръ ра-
довался, торжествовалъ, благовѣ-
ствуя спасеніе ѕемнороднымъ; и
когда адъ и преисподняя трепета-
ли, наущая гонителей истребить
Спасителя, — средніе духи, ничего

(*) О Сивиллиныхъ книгахъ упоминаютъ Церковные Отцы Юстинъ, Ириней, Ѳеофилъ Антіохійскій, также Климентъ Александрійскій, Эвсевій, Лактанцій и другіе.

не постигая въ совершающемся, какъ орудія сами по себѣ никакого свѣта не имѣющія, недоумѣвали сами, отъ чего царство ихъ и земная слава рушатся!

Воплощеніе Господа нашего и водвореніе въ мірѣ Христіанства ограничило только насиліе и власть всѣхъ духовъ стихійныхъ, оковало такъ сказать своевольство ихъ: но они и понынѣ еще остаются, и даже до измѣненія всяческаго останутся въ стихіяхъ и въ нижнемъ и въ среднемъ небѣ. Ибо хотя и они возпріяли отраду и упованіе вочеловѣченіемъ Христовымъ, чему служатъ доказательствомъ слова Спасителя, повелѣвающаго проповѣдовать Евангеліе всей твари: но возобновленіе ихъ предлежитъ вмѣстѣ съ обновленіемъ человѣковъ міра подлуннаго.

Обоимъ естествамъ причастные, но между вышняго неба и земли носящіеся, духи стихійные, судьбою своею и товариществомъ лег-

ковѣрія сильно связаны съ человѣками; и естьли смѣть открыть тайну сію, — они чрезъ человѣковъ, можетъ быть, ожидаютъ избавленія. — Вникни, душа моя, въ сію глубокую тайну, до внутренности чувствъ сердце умиленіемъ проникающую; и подвигаясь сама къ усовершенствованію, помысли, какіе свѣтлые *товарищи* ожидаютъ отъ тебя помощи, дабы возвратиться съ тобою къ Господу твоему! Духи сіи удѣляютъ человѣкамъ многое, отъ вышней натуры ими заимствованное: превосходныя дарованія мірскія, таланты, то, что люди называютъ *Геній*, (Genie,) ловкость и любезность свѣтская, многіе даже дары вышніе, но къ тѣлесности принадлежащіе и предъ очами Божіими ничтожные, суть дары любленія ихъ къ человѣку; и естьли сердце не обременено сильнымъ отяжелѣніемъ и непреодолимымъ влеченіемъ къ пороку: (ибо злоба человѣка, или совершен-

ство его; и на сихъ духовъ имѣетъ вліяніе сильное:) то дарованія сіи становятся душѣ нѣкіимъ пріуготовленіемъ къ принятію свѣта вышняго; духу же стихійному, возлюбившему душу сію, вмѣняется Господомъ въ заслугу; ибо тогда оба вмѣстѣ очищаяся — и душа и стихійный любитель ея — переходятъ постепенно въ подлинную жизнь свѣта вышняго и пріемлютъ вмѣстѣ возобновленіе, благодать и дары Духа Святаго живопворящаго.

По сему превосходству сихъ духовъ надъ нынѣшнимъ человѣкомъ, склоннымъ отъ природы ко грѣху, боговдохновенный Апостолъ не напрасно остерегаетъ насъ отъ духовъ злобы поднебесныхъ, увѣщевая насъ къ брани непрестанной съ сими неустойчивыми товарищами нашими. Ибо свойство легкомыслія, паденіе ихъ причинившаго, (свойство, по несчастію на человѣческое много похожее,) по

сіе время еще таковоже, и какъ воздухъ, подвержено перемѣнамъ. Итакъ разбирай какъ можно осторожнѣе, душа моя, внушенія ихъ, хотя и не всегда злобныя, но весьма легкомысленныя; и дабы не ошибиться тебѣ въ разпознаніи вышнихъ или нижнихъ вліяній міра духовнаго, замѣть, что человѣкъ трояко мыслитъ и чувствуетъ — сердцемъ, душею и духомъ, и что ощущенія сіи между собою крайне разнствуютъ. Спаситель нашъ, сей нѣжный любитель душъ нашихъ, не намекнулъ ли намъ тайну сію, сказавъ, что изъ сокровища сердца изходитъ и доброе и злое? Сердце наше, составленное, какъ и все тѣло, изъ плоти и крови, будучи приливъ всего, стихіями и нижнею натурою въ насъ возбуждаемаго, точно, по слову Спасителя, есть сокровищница всего жизненнаго, въ насъ зарождающагося. По мѣрѣ господствованія своего надъ нами, или поко-

ренія благородному обоженному духу нашему; сердце пріемлешъ изъ стихій земное и небесное, и отражаетъ доброе и злое. Получая снаружи всѣ ощущенія, по свойству своему стихійному, оно было бы подвергнуто всему легкомысленному вліянію духовъ поднебесныхъ, естьли бы вышняя способность мыслить и чувствовать — обоженный духъ нашъ, къ вліяніямъ одного только Духа Божія способный, не бодрствовалъ какъ стражъ небесный, освѣщая живущею въ немъ благодатію вѣчною удобопріемлемость стихійнаго товарища своего. Осмѣлимся ли сказать: что душа есть посредствующее только существо, другія два собою умиротворяющее? Мы видимъ печальныя слѣдствія истины сей надъ тѣми несчастными, которыхъ сердце, по слову Пророка, какъ Израильтяне, *уты и утолстѣ* стихійною пищею, и потомъ, (что и неминуемо) *забы Бога.* Утѣсненная

шогда и густошою нижней нашуры угнѣшенная душа бѣдная, естьли не воздремлешъ сама и не ошяжелѣешъ: шо страждешъ, шомишся, гласомъ совѣсши вопіешъ и къ Богу и къ человѣку; и естьли не успѣешъ разбудишь огрубѣлаго своего шоварища, и не ошверзешъ уха ко гласу духа, ей вопіющаго, шо подвергаешся сама шакомуже объюродѣнію. И шакъ помни непресшанно, душа моя, и при всякомъ новомъ возбужденіи, или мысли, напоминай себѣ: чшо все, чшо снаружи чрезъ чувсшва или чрезъ воображеніе приходишъ, хошя бы шо было дѣйсшвіе наиблагороднѣйшее, или мысль блисшашельная, — скажу даже свяшая — есшь еще ничшо иное, какъ сшихійное, гробъ повапленный; ударяешъ на сердце, а не на духъ, и крайней осшорожносши и недовѣрчивосши ошъ шебя шребуешъ; и естьли шы исшинно хочешь пребышь вѣрною Господу швоему: шо все оное съ ошро-

ческою простотою представляй Ему на разсмотреніе, на разрѣшеніе, какъ дитя, наставленія отъ отца требующее; ибо таковымъ только нѣтъ преткновенія и таковыхъ только есть царствіе небесное. Повѣрь, что и добрыя дѣла, но отъ сердца, а не отъ духа произтекающія, суть мерзость предъ Господомъ и должны ожидать, какъ и тѣло наше, суда и обновленія. Впрочемъ съ навыкомъ нѣкоторымъ ты и сама замѣтишь, что внушенія стихійныя всегда тощи, опрометчивы, тоскливы; и естьли бы даже и значущи были, никогда не постоянны; ибо, какъ сами стихіи, такъ и духи ихъ, коловратны и преходящи.

Впрочемъ кто дерзнетъ разграничить тайные сіи гласы невидимыхъ существъ и осмѣлится опредѣлить точную степень стихійнаго, поднебеснаго, или преисподняго духа, намъ вѣщающаго? Мы видимъ въ преданіяхъ, сколь дорого платили

многіе святые мужи за таковыя ошибки! И такъ осторожность должна быть твоимъ путеводителемъ, душа моя; и имя Господа Іисуса, побѣдителя ада, въ устахъ твоихъ при всякомъ новомъ движеніи тобою ощущенномъ. — Я слыхала отъ святыхъ мужей, что псаломъ: *Живый въ помощи Вышняго* — въ таковомъ недоумѣніи — рѣшителенъ. Смиреніе духа и самопреданіе Господу, при таковой помощи, просвѣтитъ тебя немедленно и разсѣетъ всякой призракъ и всякое треволненіе, которое не изъ міра вышняго. Естьли же внушеніе точно отъ престола Царя Христа происходитъ: то ты получишь новыя силы, разумъ, или помазаніе вышнее.

Но сколь разны отъ сихъ истинныя внушенія и истинныя наитія Святаго Духа, того Божественнаго, вся исполняющаго, который ничтожество наше и недостоинство, скудельный сосудъ сей,

однимъ величіемъ славы и любви Божества Его ожизненный, просвѣщать и освящать иногда благоизволяетъ! Духъ, а не бренное и немощное сердце, житейскимъ еще влекомое, исполняется свѣтомъ, миромъ и радостію. Источникъ воды живой, изливающійся въ изпражненный сосудъ души нашей, столь обиленъ, столь освящающъ, что точно и подлинно слабые мгновенно дѣлаются премудрѣйшими; и вѣра, и надежда, и любовь, а съ ними и сама премудрость, передаются, принимаются, льются сладостными потоками на посѣщаемую душу. Но любовь становится здѣсь матерью премудрости, и облагодатствованная душа, и своею и Божественнаго своего Любителя любовію просвѣщенная, видя и познавая то, потому что и любима и любитъ, восторгомъ Пророка восклицаетъ: *вѣровахъ, тѣмъ же возглаголахъ.*

Внушенія, получаемыя духомъ

въ шаковыя, призрѣніемъ на него Бога свѣта и любви освященныя минуты, особливо во время молитвы низпосылаемыя, не только несомнѣнны, (естьли только душа при таковомъ свѣтѣ ощущаетъ любовь, смиреніе и миръ;) но даже суть толь великая святыня, что только пріобщенію духовному тѣла и крови Божественной Господа нашего уподобиться можетъ. Я не нахожу дать тебѣ совѣта, душа моя, при таковомъ великомъ облагодатствованіи. Мнѣ ли, никакого милосердія незаслуживающей, смѣть говорить о блаженствѣ, всѣми сладостями рая преисполненномъ? Повторяю тебѣ слышанное, и оставляю Ангеламъ искусство исповѣдать блаженство Ангеловъ. — Но естьли бы ты, въ беззаконіи твоемъ и нечистотѣ, и могла когда изъ милосердія Іисусова сподобиться такой несравненной радости; (ибо тысяча жизней человѣческихъ, въ святости и хож-

деніи предъ Господомъ проведенныхъ, и любовь всѣхъ міровъ въ одной тебѣ соединенная, не могли бы удовлетворить ни за одну минуту такого милосердаго посѣщенія:) то—опять повторяю тебѣ—пади ницъ, гори любовію и сноси, сколько можно смертному, не умирая, чувство радости небесной, тѣлесное естество человѣческое симъ блаженствомъ какъ бы разрушающее.

Впрочемъ не всегда самъ Любитель вышній, или духъ Его святый, благоизволяютъ снизходить къ нашему недостоинству. Христіанину, вѣрному рабу Господа своего, часто Ангели вышніе, мирные, посылаются утѣшителями, наставниками, помощниками въ обремененіи, или истолкователями воли Господа нашего. Испытавшіе то увѣряютъ, что посланники сіи небесные носятъ печать благословеннаго Царя Іисуса: но не имѣютъ въ себѣ пламени того любовнаго, ко-

торый одному сердцу Іисусову свойственъ; (ибо всѣ любленія міра, какъ пламя пучка соломы предъ горниломъ любви Спасителя;) впрочемъ приносятъ человѣкамъ радость, миръ и нѣкую свѣжесть чувствамъ, — стихію небесную напоминающія. Наставленія ихъ всегда гадательныя, и какъ бы вынуждающія душу примѣтить, что они низтекаютъ свыше, дабы собрала она всѣ чувства свои для возпріятія посылаемаго ей. Иногда все стараніе души недостаточно къ тому, чтобъ понять, что ей сими невидимыми святыми друзьями ея повелѣвается? Но въ такомъ случаѣ, усилія напрасны. Въ сіе время тебѣ должно, душа моя, благоговѣть только и любить; ибо, естьли ты къ прошедшему не можешь приложить гаданія и не замѣтишь, чего внезапнымъ симъ внушеніемъ отъ тебя требуется: (что съ крайнимъ тщаніемъ испытывать должно:) то знай, что тогда мирный житель небесный возвѣщаетъ

шебѣ нѣчшо будущее, къ ожидаемому отъ шебя Господомъ швоимъ относящееся. Въ шакомъ случаѣ принеси покорность воли швоей милосердому Любишелю сладчайшему, благоволящему открывашь шебѣ шайны судебъ Своихъ. Привѣшсшвуй любовно свяшаго небеснаго благовѣсшника, и храни, какъ свяшыню, сшихъ или мысль, имъ шебѣ внушенную. — Не шоропись ни исполненіемъ, ни приложеніемъ оной ко всему случающемуся: но помни о ней прилѣжно, дабы не пропусшишь часа упошребленія, паче же благодарнаго чувсшва должной любви къ Господу швоему, съ шобою въ недосшоинсшвѣ швоемъ совѣщавающемуся.

Свѣшлые Ангелы рѣдко, и шолько въ шакихъ случаяхъ, гдѣ жишейское съ самою душею связано, насшавляюшъ человѣковъ просишь Господа о благахъ міра сего. Хошя негрѣшно и позволишельно, можешъ бышь, просишь отъ Ошца небеснаго и шого, чшо

для спокойствія житейскаго потребно: но я смѣло тебя увѣряю, душа моя, что малодушное прошеніе сіе оскорбляетъ всемилующаго Іисуса Господа, до скончанія вѣка всѣ нужды человѣческія въ прободенное сердце Свое вмѣстившаго. Ему ли не довѣримъ себя мы, которымъ Онъ всего Себя отдалъ? И такъ проси одного призрѣнія на тебя Господа твоего и царствія Божія: прочее же, и безъ твоего прошенія, приложится тебѣ. Естьли же когда малодушная житейская мысль тебя на молитвѣ встревожитъ, вспомни мгновенно, что это не свѣтлый Ангелъ, а тоскливый духъ стихійный подвернулся къ тебѣ съ совѣтами. Святые Отцы и здѣсь открываютъ намъ тайну міра духовнаго, напоминая намъ убѣгать *унынія бѣсовскаго*: и такъ отврати тотчасъ мысль отъ міра, обратя всю волю твою отъ сего внушенія къ милосердому подателю всяческихъ, который и

лишаетъ ихъ тебя изъ единой любви къ тебѣ.

Многое еще можно бы сказать тебѣ, душа моя, о невидимыхъ существахъ, насъ окружающихъ; ибо, какъ сказано выше, стихійные духи суть еще первая ступень лѣствицы, отъ человѣка до Творца возходящей и паки до самой преисподней низходящей, гдѣ также есть свои стихіи, свои степени духовъ, въ коихъ одинъ другаго яростнѣе и ядовитѣе, и свои чиноначалія: но здѣсь предлежало мнѣ только объяснить тебѣ нѣчто отъ вниманія многихъ добрыхъ и къ усовершенствованію стремящихся душъ нерѣдко ускользающее.

Вникнувъ подробно въ изгибы сердца человѣческаго, въ страсти наши и способность принимать таковыя *или* таковыя внушенія, можетъ быть возможно бъ было научиться разпознавать хотя главнѣйшія черты духовъ, насъ навѣщающихъ, на примѣръ: предположа,

что все суетное и по себѣ якобы ни добра ни зла не заключающее, какъ то: вѣтреность, разсѣянность, лакомство, смѣшливость, болтливость, хвастовство, и тому подобное, отъ стихійныхъ духовъ намъ внушается: — непремѣнно слѣдуетъ, что движенія души и страсти, вредъ ближнему приносящія, хотя и не къ смертнымъ грѣхамъ еще относятся, но большаго вниманія требуютъ; ибо суть дѣйствія уже духовъ злобы поднебесныхъ. И такъ высокомѣріе, кичливость, тщеславіе, презрѣніе, нечувствительность, роскошь, объяденіе, обманъ, ложь, и множество тому подобнаго, суть чада духовъ злобы поднебесныхъ, но къ исправленію еще, какъ и самые тѣ духи, способныя. Что же касается до злобы, клеветы, мщенія, гордости, лихоимства, гнѣва, самости и прочихъ изчадій адскихъ, печать отца ихъ на себѣ носящихъ, усумнится ли кто, чтобъ они не были точно

дѣйствіе духовъ преисподнихъ, слѣдственно крайней бдительности въ возбужденіяхъ требующія? Прилѣжное вниманіе къ изслѣдованію чувствъ сихъ много пособитъ тебѣ, душа моя, въ исправленіи твоихъ немощей. Разпознавъ и затвердивъ прилѣжно обычныя твои погрѣшности, ты лучше познаешь и орудія къ твоему защищенію: паче же всего болѣе увѣришься, сколь суетно упованіе человѣковъ на разумъ и силы ихъ, и что безъ помощи единственнаго Защитителя, единственнаго Наставника и Милостивца нашего, Господа Іисуса, все гибель, все паденіе, и вездѣ адъ для бѣднаго смертнаго, внѣ Христа обрѣтающагося.

Впрочемъ все сказанное мною тебѣ не изъ моего ничтожества произтекаетъ, и видѣнія и познанія сіи заимствованы мною отъ такихъ святыхъ и мудрыхъ мужей, у которыхъ я недостойна разрѣшить и ремень сапоговъ ихъ.

Хотя многіе изъ нихъ преставилися уже къ тому міру блаженному, котораго завѣсу тайную открывали они намъ въ гаданіяхъ своихъ: но неизмѣняющаяся сила и свѣтъ Того, Который вчера, днесь и во вѣки тойжде, обрѣтаются и понынѣ между человѣками, и оставлены намъ Спасителемъ нашимъ какъ рудникъ обильный, подъ благословеніемъ Его только намъ открывающійся, нерѣдко и самому недостойному орудію предлагаемый, какъ то покажетъ тебѣ слѣдующій примѣръ.

Нѣкто, предъ Богомъ въ смиреніи и любви ходившій старецъ, получа однажды откровеніе, свѣтлостію своею самаго его изумившее, дерзнулъ вопросить милостиваго Даятеля: по чему онъ заслужилъ таковое помазаніе неизреченное? Отвѣтъ на таковый отроческій, простоты исполненный вопросъ, удивитъ мірской умъ человѣческой: *по тому, что ты былъ самое худшее*

орудіе, сказано было ему въ отвѣтъ. Кто возметъ на себя изтолковать такой отвѣтъ необычайный? Но вотъ какъ производится судъ тамъ, гдѣ все противуположно мудрованіямъ человѣческимъ. И такъ кто осмѣлится возгордиться дарами? И вся радость души, при таковомъ сообщеніи духа, можетъ ли быть иная, кромѣ той, чтобы чувствовать себя недостойною, послѣднею въ твореніи, и при всемъ томъ, хотя на единое мгновеніе, орудіемъ въ рукахъ, непрезирающаго и бренія, великаго Бога нашего!

Что до третьяго, преисподняго міра, касается: то осторожность противъ онаго столь ясно, столь подробно описана Святыми отцами, православною церковію нашею достойно ублажаемыми, что я не могу и не смѣю что либо приложить къ оному. Вѣрь свято, душа моя, таковымъ великимъ наставникамъ, умерщвленіемъ, безмолвіемъ чувствъ и вѣрою любви опытность изку-

пившимъ. Макарій Египетскій, Авва Дороѳей, Іоаннъ Лѣствичникъ, и всѣ прочіе Святители, истинно Духомъ Святымъ поставлены пастырями душъ человѣческихъ. И такъ у нихъ и у мудрыхъ мужей, особливоже въ Священномъ Писаніи, ищи свѣта, душа моя, съ прилѣжаніемъ и молитвою: то ты сподобишься, можетъ быть, узнать еще болѣе, нежели что въ бѣдныхъ сихъ строкахъ изображено.

Объяснивъ нѣчто, по силѣ немощи моей, о наружныхъ прикосновеніяхъ, хочу тебѣ напомнить еще три завѣта весьма важные, Спасителемъ нашимъ заповѣданные. Заповѣди сіи суть: любить *Бога* паче всего, любить *ближняго* какъ самаго себя, и даже враговъ своихъ, и умирать плоти и крови, или любить *смерть*. Ибо мы всѣ ежедневно зарекаемся чаять воскресенія мертвыхъ, жизни будущаго вѣка и пришествія Господа нашего. Любить ближняго, кажется,

такъ легко, такъ спокойно и беззаботно, что нѣтъ можетъ быть ни одного изъ насъ, который не вѣрилъ бы, что любитъ искренно весь родъ человѣческій. Но любовью ли мертвеннаго, нерадиваго сердца, (естьли бы суеты міра и оставили ему свободу,) должны мы любить до смерти крестной возлюбленныхъ и кровію Господа нашего изкупленныхъ братьевъ нашихъ? Всѣ мы члены пресвятаго тѣла Іисусова, и Онъ сердце жизни нашей. Естьли бы у кого изъ насъ была хотя только заноза: не весь ли бы составъ, особливо сердце, боль страждущей части чувствовали? Со всѣмъ тѣмъ улицы, города, села, и наконецъ весь міръ наполнены несчастными, не смѣющими, или даже и стыдящимися уже, напомянуть ожесточенію нашему, что и они человѣки, и тоюже, на нихъ конечно паче, нежели на счастливцевъ міра дѣйствующею, цѣною крови Искупителя об-

щаго искуплены. Сердце Іисуса пронзено тысячами тѣхъ кровавыхъ язвъ, которыми страждутъ сіи несчастные Его и наши братья, Его и наши члены, къ Его отчему и нашему жестокому сердцу непрестанно вопіющіе. Но мы—руки, ноги, глаза и уши тѣла сего божественнаго — мы (едва ли уже человѣки!) смотримъ равнодушно на сихъ стенящихъ подъ бременемъ жизни, торопливою рукою и хладнымъ сердцемъ подаемъ помощь и лишенную духа милостыню; смѣемся, какъ Хамъ, падшему въ прегрѣшеніе брату, и отъ язвленнаго разбойниками, какъ Левитъ, удаляяся спѣшно, мечтаемъ еще, что мы человѣки, Христіане и сострадательны! Берегись, душа моя, такого прилога смертнаго! Любовь есть жизнь духа! *Не любяй не позна Бога:* слѣдственно онъ не Христіанинъ, не сынъ Церкви, не сынъ Божій, и напрасно уповаетъ быть человѣкомъ. Пока не только

существуетъ въ мірѣ членъ Христа, тщетно на тебя уповающій; но пока останется въ сердцѣ твоемъ хотя единая жилка окаменѣлая: дотолѣ ты не вѣдаешь сладчайшаго сердца Іисусова, не имѣя части въ чуждомъ застылому естеству твоему наслѣдіи, любовію одной любви даруемомъ. *Не вѣмъ тебя*, скажетъ Онъ; ибо оледенѣніе хлада не въ Христовомъ, но въ стихійномъ только, гробовомъ, погасшемъ Благодати, человѣкѣ заключается. Не вѣрь отговоркамъ мірскаго мудрованія, свою правду, какъ кумиръ, на мѣстѣ святѣ поставляющаго. Не искушай Бога твоего, садясь на судище Царя твоего и Господа; ибо Онъ и добрыхъ и злыхъ равно освѣщаетъ солнцемъ своимъ, и отъ невѣжества твоего скрыто, гдѣ написано имя брата твоего, тобою уничижаемаго. Не бойся также оскудѣнія благъ земныхъ, на страждущую братію употребляемыхъ; и

дабы не подпасть тебѣ искушенію, разточать въ удовлетвореніе одной суетности твоей, или самолюбія, давай мало: но давай всякому просящему, и старайся всегда исправлять долгъ сей милосердія преимущественнѣе тамъ, гдѣ плотское сердце твое менѣе тебя приманиваетъ, или можетъ быть и совсѣмъ отвращаетъ; ибо тогда жертва сія становится настоящимъ всесожженіемъ и двойнымъ удовлетвореніемъ, и долга любви и долга исправленія. — Впрочемъ не всякой имѣетъ, чѣмъ помочь брату своему: но состраданіе и совѣты погрѣшившему, ласковое слово бѣдному, лекарство больному, не изъ чувственности сердца земленаго и смертнаго, а чисто, безпримѣсно, единственно въ духѣ Господа Іисуса подаваемыя — суть та чаша воды живоносной, за которую Спасителемъ нашимъ обѣщаны великія обѣтованія безвозмездно завѣтъ Его исполняющимъ.

Естьли любовь, милосердіе и сострадание къ ближнему, (столь сродное любовному назначенію человѣка,) невмѣстительны уже въ огрубѣломъ сердцѣ нашемъ: гдѣ же найдемъ мы силы къ исполненію втораго завѣта Спасителева, любить враговъ нашихъ? Изпорченное естество содрагается отъ необходимости сей, и естьли бы предложить человѣкамъ избраніе любви ко врагу, или любви къ смерти: то большая часть людей дала бы можетъ быть преимущество сей послѣдней, сколь она ни отвратительна природѣ. Таковое грѣхомъ изкаженное, до внутренности мозговъ порчу естества человѣческаго исповѣдующее чувствованіе, за предѣлы даже сотворенія міра переноситъ разсужденіе; ибо весь обликъ падшаго ненавистника изображенъ въ бѣдственной чертѣ сей, все сердце сатаны въ себѣ заключающей. И потому Сотворивый изъ любви и

для любви сердце человѣческое не могъ не умолять изкупленниковъ Своихъ истребить, изгладить изъ души ихъ звѣрскій образъ Своего противника древняго. Добрые міряне, Христіанами себя называющіе, думаютъ обыкновенно, что исполнили заповѣдь сію, когда только не мстятъ врагамъ своимъ, и разграничатъ себя съ ними принятымъ словомъ—*Богъ съ ними!*—засыпая спокойно на зыблющемся семъ основаніи мнимаго спасенія. Здѣсь мѣсто было бы тому изреченію Спасителя, которое вырвалось изъ преогорченнаго сердца Іисусова, неизправимою злобою человѣковъ стѣсненнаго: *о роде прелюбодѣйный и лукавый! Доколѣ имамъ терпѣти тя?* Ибо люди въ семъ случаѣ, сами того не вѣдая, въ фарисейскомъ семъ милосердіи, къ яростному свойству ненавистника прибавляютъ еще новое свойство его: лукавство и ухищреніе, и точно искушаютъ Бога. Но суду ли

Божію, и безъ твоего соизволенія неминуемому, предать тебѣ повелѣно, о душа моя, обидящую и сердце твое раздирающую братію твою во Іисусѣ? Вѣрь, что такое сострадание, такія услуги, и даже покорность врагамъ твоимъ, суть мерзость предъ Богомъ и противное Ему всесожженіе. Любви, любви къ нимъ отъ тебя Спаситель требуетъ! . . . Но безъ Тебя, Іисусе! Гдѣ взять въ окаянномъ, оземленѣломъ сердцѣ нашемъ чувство сіе небесное, все божество Твое въ себѣ исповѣдающее? О Любитель предвѣчный! Жертва тайная, на крестномъ олтарѣ человѣкамъ силу любленія въ крови своей източившая! Ты, Іисусе! сотри главу змія въ сердцѣ моемъ, измѣни во мнѣ душу окаменѣлую и лукавую, и дай духу, Тобою обоженному, способность любить, какъ Ты возлюбилъ насъ, нищую и строптивую братію Твою, Тебя, Бога и Любителя нашего, ненави-

дящую и вездѣ и во всемъ зло творящую Тебѣ.

Третія заповѣдь Спасителя нашего, и притчами и ясными выраженіями преподаваемая, имѣетъ предметомъ наиважнѣйшее, наивеличественнѣйшее чувствованіе, которое только можетъ вмѣститься въ разумъ человѣческій: — ожидать, желать пришествія Сына Божія, слѣдственно возлюбить смерть, какъ единственный переходъ къ Нему. Пріуготовя сердце устроеніемъ обѣихъ требуемыхъ отъ человѣка любвей, Спаситель вдругъ переноситъ духъ нашъ въ то *горнее*, гдѣ ни малѣйшей черты ненавистника не обрѣтается. Отдѣлена уже отъ костей плоть беззаконія и отрѣшенный духъ, не отягощенный уже тѣлеснымъ охлажденіемъ, или ненавистію, всецѣло Христа возпріявшій, приглашается торжественно на пиршество Агнчее. Тѣсный гробъ и смерть суть двери храма брачнаго, — тлѣніе

вратарь, — а кончина вѣка начало вѣчныя жизни; — величественныя подробности описанія послѣднихъ временъ суть то нѣжное успокоеніе, которымъ Спаситель изъ милосердія Своего умаляетъ ужасъ, остатки смертнаго еще сердца нашего потрясающій. Все сіе изъясняетъ, сколь много самъ Спаситель нашъ жаждетъ часа сего, всѣми мірами въ страхѣ и любви ожидаемаго. Останемся ли мы нечувствительными, душа моя, къ таковому приглашенію небесному? И еще ли содрогнемся предъ лицемъ призрака, двери Вѣчности намъ отворяющаго? Я упомянула тебѣ выше занятое мною отъ святыхъ мужей о частомъ пріуготовленіи къ сему часу рѣшительному: въ дополненіе онаго прибавлю, что не довольно еще тебѣ готовиться ежечасно къ смерти; но должно неотмѣнно, исполняясь глубокаго смысла назначенія твоего и преданій святыхъ отцевъ, въ окон-

чаніи символа вѣры всѣ упованія наши утвердившихъ, слиться всѣмъ духомъ твоимъ съ грядущимъ со славою Іисусомъ, ждать смерти какъ узорѣшительницы, любить ее какъ друга, съ Возлюбленнымъ тебя соединяющаго. Уповай твердо, что все Небо, всѣ Силы Небесныя, Матерь Божія, заступница наша, и наконецъ самъ Богочеловѣкъ, призираютъ на разрѣшающуюся душу, надеждою любви въ страданіи своемъ къ Искупителю милосердому вопіющую. Дерзай, душа моя! Воскликни: *ей гряди Господи Іисусе!* и изъ Его духа трисвятаго научись познать ту свободу и сладость мирную надеждъ небесныхъ, которыя при первомъ прикосновеніи косы смертной, какъ фениксъ изъ пепла, возраждаются.

Испрося усерднымъ, ежедневнымъ прилѣжаніемъ, помощи отъ единаго Подателя силы и разума, возлюбленннаго Господа Іисуса, возверзи на Него всѣ печали твои:

Той препитаетъ тебя. Не радуйся, не скорби, не ожидай ничего отъ человѣковъ и отъ преходящаго какъ тѣнь міра сего; а храни, сколько можно, тотъ божественный миръ духовный, который Искупитель нашъ оставилъ въ наслѣдіе ученикамъ Своимъ. Всѣ мы плывемъ по морю житейскому на скользкомъ тѣсномъ бревешкѣ, непрестанно волнами обуреваемомъ, и всегда въ опасности опрокинуться отъ перевѣса на ту или другую сторону. Все искусство жизни и спасенія состоитъ въ томъ, чтобъ стараться непрестанно сохранить равновѣсіе, всякое чувственное стремленіе — радость, печаль, гнѣвъ, — даже самая невинная любовь и пристрастіе, — суть опасныя волны свирѣпыя, скудельный нашъ корабль разрушить угрожающія. Ибо душа наша, какъ глупая птичка изъ клѣтки вылетѣвшая, выступаетъ въ сіе время изъ мирнаго того центра, въ который

дабы снова ввести ее, подлежали такіе великіе подвиги самому Творцу, чтобы воплотиться, претерпѣть неизреченныя страданія, и ощутить на Себѣ самомъ всѣ бѣдственныя послѣдствія перваго ея изъ рая выступленія. И для того остерегайся всякаго разсѣянія, и всего того, гдѣ нѣтъ Іисуса. Естьли же оно когда по необходимости съ тобою повстрѣчается, держи себя отъ него одаль и устранись отъ безумнаго, въ рукахъ своихъ орудіе смерти имѣющаго.

Ѳома Кемписскій говоритъ: *любящій клѣть свою, обрящетъ въ ней миръ.* Мирное убѣжище наше, миръ и рай, либо брань и адъ вмѣщающее, есть душа наша. Естьли благословилъ тебя сладчайшій Іисусъ найти миръ въ душѣ твоей, живи тутъ съ Нимъ, забывая все прочее; ибо кромѣ Іисуса, все уметъ, не чисто, скверно, и по одному только долготерпѣнію Его не адъ и не геенна вѣчная. Ты

знаешь, душа моя, не всѣми ли благами міра мы съ тобою наслаждались? Не все ли имѣли, что только и Царей земныхъ обольщаетъ такъ суетно? Но что всѣ блага сіи, кромѣ праха, тлѣнія, грѣха и гнѣзда червей поядающихъ? Вспомни всѣ дни твоего мірскаго счастія, и скажи: осмѣлятся ли они сравниться съ тѣмъ сладкимъ миромъ, которымъ благословилъ насъ съ тобою Господь посреди священной нашей бѣдности? Ей, единъ благословенъ, единъ Господь Іисусъ Христосъ, и миръ Его божественный смиренную келью въ чертоги Соломоновы обращающій! Пріучайся въ убогой хижинѣ сей напоминать себѣ непрестанно обитающаго съ тобою, и намъ, нищимъ Его, въ милостыню Себя подающаго Христа Іисуса. Держи въ мысли твоей и ублажай пречистую Матерь Его, столь нѣжно призирающую на немощи и скорби человѣческія, и чествуй и величай изъ

глубины твоей тѣ вышнія чистыя Силы Небесныя, насъ окружающія, которыя, какъ стража на полѣ ратномъ, по мѣрѣ опасности нашей, отъ Господа нашего новыми и опытнѣйшими силами непрестанно подкрѣпляются. Всякое дѣло предпринимай и начинай имѣя въ мысли твоей имя Іисусово, сообразность же закону Божію и страхъ Его имѣя первымъ основаніемъ воли твоей. Старайся всякой день освятить или новою побѣдою надъ собою, или пріобрѣтеніемъ новой добродѣтели, или по крайней мѣрѣ какимъ нибудь Богу угоднымъ дѣломъ, дабы солнце не даромъ согрѣвало бытіе твое, и день, благостію Господнею тебѣ дарованный, не померкъ въ суетности и не потребовалъ бы тебя къ отвѣту. Получа же успѣхъ, или иную какую милость Господа твоего, Ему одному принеси о томъ пламенное и любовію разпаленное благодареніе; ибо безъ Его помощи святой

и самые успѣхи человѣческіе суть бѣдствіе и прегрѣшеніе. Старайся во всемъ, сколько возможно, пребыть вѣрною Богу, и храни и малѣйшія твои обѣщанія Ему свято и ненарушимо, хотя бы по мыслямъ твоимъ они были и маловажны. На примѣръ: естьли бы ты обѣщала, въ наказаніе себѣ за какое прегрѣшеніе, (ибо всякое преступленіе требуетъ очищенія,) положить десять поклоновъ, или прочесть цѣлую каѳизму, или наложить на себя другое какое наказаніе или обѣтъ, берегись не додѣлать десятаго поклона, или не дочесть и одной строки зареченнаго. Не поклоны твои и не каѳизма заслужатъ тебѣ умилостивленіе: но исполненіе обѣщаннаго, вѣрность и правда твоя, умиротворяющая правду Божію. Ибо какъ изъ малыхъ и частыхъ грѣхопаденій составляются наконецъ потоки грѣховные: такъ непрестанное взираніе на волю Божію и тѣ ежечасныя нѣжныя

услуги любви неизсякаемой, которыя и въ смертномъ любленіи цѣнятся дороже самыхъ величайшихъ подвиговъ, приближатъ болѣе и болѣе и тебя къ Господу и Господа къ тебѣ. Осторожность сія есть то самое, что святые отцы называютъ *непрестанною молитвою и хожденіемъ предъ Богомъ и въ страхѣ Его.* Хотя все сіе и безъ устнаго произношенія всесвятаго имени Іисусова, или пречистой Матери Его производится: но имена сіи, какъ будто во всемъ выпечатлѣвался, освящаютъ всего человѣка, и всякое дѣло и мысль его; и душа тогда начинаетъ чувствовать, что не она живетъ, но обитающій въ ней Господь Іисусъ Христосъ.

Такимъ образомъ непрестанно очищаясь и совершенствуясь благодарностію, бдѣніемъ, паче же любовною осторожностію, посвятивъ всю себя безостаточно Господу твоему, столь милостивому Люби-

шелю, ты не только исполнишь волю Его и назначеніе швое великое: но даже вящшихъ и неизреченныхъ даровъ свяшыхъ сподобишься. Какъ стекло продолжишельною рабошою шренія шеряешъ наконецъ тусклость, посторонними огрубѣлыми шѣлами ему приданную: шакъ и ты непримѣшно будешь часъ отъ часу становишься легче, чище, прозрачнѣе, и образъ Господа швоего и всего вышняго являющею. Самое шѣло, шебя заключающее, просвѣшлѣешъ свѣшомъ швоимъ, и всякій искусный художникъ въ пуши Божіемъ, познавъ сквозь оболочку, шебя заключающую, сшепень швоего освященія, прославишъ въ шебѣ Ошца, иже на небеси, и въ недосшойнѣйшихъ сосудахъ величіе славы Своей совершающаго.
